АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ЧЕЛОВЕК В ПРИЦЕЛЕ

Москва

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ЧЕЛОВЕК В ПРИЦЕЛЕ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Человек в прицеле / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-221605-3

1944 год. Хотя бои на территории СССР завершились и советские войска перешли к освобождению стран Восточной Европы, в Москве по-прежнему тревожно. Но контрразведка все так же начеку. В городе орудует немецкая диверсионная группа, которой командует предатель с позывным Феникс. Диверсанты взрывают важные объекты, убивают людей — действуют дерзко и напористо. И каждый раз им удается скрыться. Группе подполковника Максима Шелестова поручено обезвредить врага. Но как в многолюдном городе вычислить Феникса и его подручных? Помог случай. Внимание Максима привлек странный тип, «случайно» оказавшийся на месте одного из происшествий...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221605-3

ГЛАВА 1

За этими стенами уже не шумели станки, не кипела жизнь производства. Суровая необходимость заставила тогда, в суровом 1941 году, эвакуировать важные предприятия из европейской части СССР на Урал. Опустели цеха и этого электромеханического завода на окраине столицы. Завод вернется, возродится снова, когда закончится война. А сейчас только высокий забор, за которым стоят молчаливые, темные, безлюдные здания цехов и тишина.

Оглянувшись по сторонам, мужчина переложил небольшой саквояж из руки в руку и отступил к стене дома, где его не было видно. Поздний вечер, но он успеет дойти до станции метро «Сокольники». Режим светомаскировки еще действовал в Москве, и это сейчас было очень кстати. Мужчина сунул руку в карман военной шинели, нащупал пачку папирос,

но закуривать не стал. Не время и не место. Привлекать к себе внимание нельзя. Услышав быстрые шаги и скрип первого снега на тротуаре под ногами, он повернул голову. Невысокий мужчина в сапогах, в которые были заправлены брюки, в рабочем ватнике, подошел и встал рядом.

— Опаздываешь, — упрекнул своего знакомого мужчина в шинели.

— Милиционер на углу, — ответил второй. — Обойти его не было никакой возможности, пришлось ждать, когда уйдет.

— На, держи. — Мужчина в шинели протянул саквояж. — Здесь все. Подробная инструкция внутри. Ты уверен, что проберешься на территорию завода? Там безопасно?

— Там же никого нет, цеха и все помещения закрыты, только на проходной вахтер с наганом сидит, чай пьет, — криво усмехнулся мужчина в ватнике и тряхнул саквояжем. — Есть у меня туда лазейка надежная, а уж там я...

— Тише тряси, дурак! — с негодованием оборвал собеседника мужчина в шинели.

— Я что, не понимаю, — начал оправдываться второй мужчина. — Все будет в лучшем виде, не впервой же.

— Ладно, все, иди! И смотри, чтобы через два дня все было готово.

Человек в ватнике пригнулся, пошел вдоль дома и тут же исчез в темноте. Скрип снега под его ногами затих. Человек в шинели постоял немного, прислушиваясь, а потом посмотрел на наручные часы. Пора. Повернувшись, он двинулся дворами на соседнюю улицу. Прежде чем выйти под арку, ведущую на улицу, еще постоял, медленно пошел вперед и снова остановился уже в арке — по улице проходил милицейский патруль. Здесь снег смели дворники, разнесли ногами многочисленные прохожие еще днем. Да и проезжая часть тоже осталась почти без снега.

— Это по какой же надобности, мил человек, вы тут стоите? — вдруг раздался за его спиной чей-то голос.

Мужчина обернулся и увидел дворника в старом пальто и сером брезентовом фартуке. Посмотрев на мужчину, дворник одобрительно кивнул:

— Вроде солидный человек, не станете безобразничать. А то ведь частенько повадятся ходить сюда по мелкой надобности, а жильцы дома потом жалуются. Непорядок.

— Да ты что, отец! — тихо рассмеялся раздосадованный мужчина. — Как же можно такое. Ты лучше, это... огоньком угости. А то спички кончились, а прикурить не у кого...

В рабочем кабинете Платова за плотно занавешенными окнами было холодно. Комиссар госбезопасности сидел за столом, накинув на плечи шинель. Свет от большой настольной лампы освещал только стол, на котором лежал бланк радиограммы. В темном углу кабинета мерно постукивали шестеренки напольных часов. Платов, покашливая в кулак, сравнивал цифры последней радиограммы с той, которую ему принесли час назад.

— Разрешите? — На пороге кабинета возникла фигура офицера.

— Да! — Платов поднял глаза на капитана. — Ну, что у вас там с расшифровкой?

— Пока только обрывки понятий и слов, товарищ комиссар. Судя по всему, подписывается он словом «Феникс». По некоторым косвенным признакам, это резидентура разведки. Упоминание слов «сведения», «контакт», «указанные цифры» говорит, скорее всего, именно об этом. Видимо, агент просит свежие батареи для рации, бланки документов и деньги.

— Географическая привязка ведомственная? — спросил Платов, протягивая руку и забирая у капитана листок с данными по радиоперехвату.

— Пока трудно сказать с полной уверенностью, но упоминание некоторых факторов да-

ет возможность утверждать, что агент действует все же в Москве.

Отпустив офицера, Платов посидел еще некоторое время над бумагами, потом аккуратно сложил все в папку для докладов. Продолжая размышлять о сложившейся ситуации и о том, как он будет докладывать Берии, Петр Анатольевич поднялся и аккуратно повесил шинель на вешалку, оправил складки. Во всем должен быть порядок, и никакой спешки. От спешки только вред и необдуманность поступков. Это давно впиталось в сущность комиссара госбезопасности. Обдуманность, анализ, расчет.

Когда Платов вошел в кабинет Берии, тот громко разносил кого-то по телефону. Глянув на комиссара, он ткнул пальцем в стул и продолжил разговор с кем-то из сотрудников наркомата. Интересно, что могло случиться такого, что вывело из себя Берию, подумал Платов. Нарком мог быть резок, эмоционален, но вот такие разносы для него совсем не свойственны. Да, тяжело нам всем даются эти годы войны. Люди работают на износ. Те, кто остается в живых. И кто сказал, что здесь, в Москве, работается легче. Сколько сотрудников центрального аппарата с самого начала войны просились на фронт! Бывало, и отпускали, но чаще отправляли на еще более серьезные задания. Полковник

Медведев тоже просился, а в результате больше года назад его отправили во главе разведывательно-диверсионного отряда НКВД за линию фронта. Платов лично провожал его. А потом с Фитиным они отправляли Кузнецова. Оба отдела разрабатывали эту операцию вместе.

— Ну что, есть что-нибудь конкретное? — бросив трубку на рычаг, спросил Берия.

— Третий перехват за месяц, — ответил Платов, понимая, что сейчас больше всего беспокоит наркома. — Все радиограммы подписаны Феникс.

— Это тот, который возрождается из пепла? Птица феникс... Только пепла нам и не хватает.

— Не думаю, — возразил Платов, опять догадавшись, в каком направлении работают мысли наркома.

— Не думаешь? — Берия сурово посмотрел на комиссара госбезопасности. — А то, что уже год мы не фиксируем попыток покушения на членов правительства, старших офицеров армии, НКВД здесь, в Москве? Что, немцы отказались от диверсионной работы? Отчаялись, сдались? Может, СД скоро пришлет нам капитуляцию?

— Нет, у меня другое мнение, Лаврентий Павлович, — спокойно возразил Платов. — Диверсионную работу в Москве немецкая развед-

ка приостановила по другой причине. Они не хотят, чтобы вместе с диверсионной сетью мы зацепили и их резидента с позывным Феникс. Это разведка, Лаврентий Павлович. Он сидит где-то у нас очень крепко и, черпая информацию, активно действует, судя по запросам.

— Есть расшифровка? — оживился Берия.

— Наши шифровальщики бьются день и ночь, к сожалению, пока продвинулись мало, Лаврентий Павлович. Но уже ясно, что это стратегическая разведка, а не диверсионная группа.

Берия внимательно посмотрел на Платова, потом подошел к столу для совещаний и уселся напротив него, сложив руки на столе. Платов открыл папку, стал доставать листок за листком и обосновывать свою точку зрения. Берия слушал молча, даже не прикоснулся ни к одному документу. Он знал, что Платов уже все продумал, проанализировал, сделал выводы и даже продумал план действий. И в самом конце комиссар госбезопасности добавил:

— Я решил оставить пока группу Шелестова в Москве. Их задание я перепоручу другой группе, а Шелестова оставлю на «Фениксе». Сейчас у нас будет очень много работы в Москве, даже когда мы его возьмем. Немцы понимают, что война проиграна. Но самое глав-

ное, что это понимают и наши союзники. Они начнут насаждать свою резидентуру в нашей стране и после окончания войны будут использовать все силы немецкой разведки, которую быстро приберут к своим рукам после капитуляции Германии.

— Хм, — покачал головой Берия. — И я бы на их месте сделал так же. Хорошо, действуй, Петр Анатольевич! И не тяни. Фениксу надо заткнуть рот очень быстро. Слишком много планов у нашего военного командования, о которых Гитлер хотел бы узнать. На фронтах одна активная фаза сменяется другой, части Красной армии громят врага и рвутся в Европу. Никто не хочет, чтобы мы взяли Берлин, а мы должны сделать это быстрее союзников, даже если немецкие части весной начнут капитулировать одна за другой на Западном фронте. Англо-американское командование имеет приказ принять капитуляцию Германии раньше нас.

Шелестов уже ждал Платова в приемной. Увидев комиссара госбезопасности, Максим Андреевич вскочил со стула, одернул гимнастерку и коротко доложил, что группа оповещена и прибудет в течение часа. Платов уже привык к этой манере командира группы прилетать намного раньше своих подчиненных, чтобы успеть понять, какого рода предстоит задание.

Успеть оценить и обдумать его сложность, возможные риски.

— Заходите, раз вы уже здесь, — кивнул Платов и первым вошел в кабинет, включил верхний свет и бросил на стол папку.

Шелестов плотно прикрыл за собой дверь и подошел к столу, пытаясь понять по внешнему виду, по лицу своего начальника его настроение, мысли. Но кроме того, что комиссар госбезопасности сильно устал и спал, наверное, всего пару-тройку часов, он ничего понять не сумел. Платов часто переигрывал своего талантливого подчиненного и раньше времени не сообщал ему вообще никакой информации о предстоящей операции. Вот и сегодня Петр Анатольевич сел за свой рабочий стол, положил руку на папку, с которой вернулся от Берии, но заговорил совершенно о другом:

— А Москва сильно изменилась за это время с начала войны, не так ли, Максим Андреевич?

— Да, — кивнул Шелестов — он тоже отмечал эти положительные изменения к зиме 1944 года. — Нет в людях напряжения, которое охватывало буквально каждого в июне 41-го, и потом, когда немцы прорвались к самым окраинам, когда шла эвакуация. А теперь салюты в честь побед, празднование Нового го-

да, Первомая, 7 ноября! Наш народ не сломить! И наши враги должны это знать!

— Да, враги, — как-то странно произнес Платов, и его лицо сразу сделалось смертельно усталым. — Вот и день Великого Октября отпраздновали ... А на душе как будто сорок дней по русскому обычаю — поминаем своих товарищей. 5 ноября, 7 ноября, сорок дней назад одному нашему товарищу, погибшему еще весной за линией фронта, было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. А другого нашего товарища казнили в недружественной нам стране. Он погиб на своем боевом посту как разведчик, который сделал все, что было в его силах и даже выше его сил, для нашей страны! Мы теряем товарищей, и это неизбежно, через это приходится проходить.

— Наше задание будет за линией фронта, за кордоном? — спросил Шелестов.

— Нет, я всего лишь хотел предложить вам помянуть наших товарищей. — Платов поднялся, подошел к шкафу, достал оттуда бутылку коньяка и две рюмки...

Группа прибыла через двадцать минут, и Платов сразу перешел к информации по делу Феникса. Оперативники слушали молча. Все вопросы, которые могли возникнуть, Платов задавал себе сам и тут же давал на них исчерпы-